

УДК: 902–904+39 (571.1)
DOI: 10.17223/19988613/46/15

А.И. Боброва, Н.В. Торощина

АРХАИЧНЫЕ ВЕЩИ ИЗ ДЕТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ СЕЛЬКУПСКОГО МОГИЛЬНИКА НА РЕКЕ ТЫМ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Статья посвящена публикации и анализу бронзовых лапчатых подвесок и бронзовой ложки из детского погребения селькупского могильника XVI – первой половины XVIII в. на р. Тым, с урочища Бедеревский Бор Нарымского Приобья. Наибольшее распространение такие изделия получили на территории Прикамья, Нижнего и Среднего Приобья в X–XIV вв. Для времени функционирования могильника Бедеревский Бор II изделия можно считать архаичными и раритетными, что представляет особый интерес.

Ключевые слова: Нарымское Приобье; р. Тым; Бедеревский Бор; селькупы; чумьлькуп; архаичные вещи.

Среди раритетных вещей, несущих символический отпечаток культуры, особое значение приобретают архаичные предметы, поддерживающие связь с прошлым – культурой, традициями. Они хранят в себе особую информацию, связанную с мировоззренческими представлениями населения. Древние и относительно «древние» предметы (каменные наконечники стрел, бронзовые или железные изделия и пр.), пролежавшие в земле и «открывшиеся» в результате естественного разрушения археологических памятников, селькупы охотно включали в пантеон своих духов, считали их даже более сильными по сравнению с теми, которые отливали или ковали сами. Не видя особого противоречия между древними и современными «божками», они воспринимали такие изделия как дар или подарок, знак расположения духа той местности, где были обнаружены. Так, например, бронзовые антропоморфные изображения V–III вв. до н.э. длительное время хранились среди священных предметов в семейном культовом амбарчике селькупов Арьянгиных из пос. Напас на р. Тым и только в 1930–1940 гг. были переданы потомками этой семьи в Колпашевский краеведческий музей [1. С. 140–143].

Аналогичная ситуация известна у манси и ханты. В их домашних святилищах древние бронзовые и серебряные предметы (наконечники стрел, антропоморфные и зооморфные отливки раннего железного века и Средневековья) выступали в роли помощников духов, использовались в качестве основы конкретного духа. Такие культовые объекты и приклады в них имеют долгую жизнь и накапливаются на святилищах в течение нескольких поколений. Причем чем древнее предмет, тем большей сакральностью и силой наделяется этот дух. Участники обряда, продолжая одаривать новыми подарками духов-покровителей, через два-три поколения не всегда имели представление о том, что находится на дне сундука или скрыто под многочисленными одеждами-подарками. Поэтому обнаружение древних бронзовых изделий иногда оказывается неожиданным как для хозяина святилища, так и для этнографа [2.

С. 6]. Установлено, что манси и ханты часто использовали древние вещи в качестве прикладов духам или же их основы. Найденные, «посланные свыше», вещи считались родовым имуществом и «пользовались большим почетом» [Там же. С. 6–8; 3. С. 195], они переходили в категорию святых, их нельзя было класть с умершими в могилу или продавать. Украшения для кос, найденные в кладах, не хоронили с хозяйкой, а оставляли детям или родственникам [4].

Обнаружение таких предметов в погребениях вместе с покойным – явление довольно редкое, но все же встречающееся: древние вещи вторичного использования найдены при раскопках хантыйско-ненецких кладбищ XIX в. на Обдорском Севере [5. Рис. 152]. Поэтому использование архаичных вещей в похоронной обрядовой практике нарымских селькупов, зафиксированное при раскопках детского погребения в могильнике XVI – первой половины XVIII в. Бедеревский Бор II на р. Тым, представляет особый интерес.

Могильники (позднесредневековый и Нового времени) в урочище Бедеревский Бор находятся на северо-восточной периферии расселения нарымских селькупов, недалеко от с. Напас (бывших юрт) – одного из древних населенных пунктов на р. Тым. Когда-то они были центром объединения, связанного с родом Орла/Ястреба – «Мулинт тамтыр» [6. С. 90], а селькупская фамилия Мулины, многочисленные представители которой проживали в этом селе, имеет ту же основу. Могильники, о которых идет речь, являлись родовыми кладбищами жителей Напасских юрт, о чем свидетельствовали они сами в конце 1930–1940-х гг. К этому времени в урочище Бедеревский Бор уже не хоронили, а местные остяки утверждали, что там были «похоронены нехристи», т.е. некрещеные, давнишние люди. Место бывших захоронений П.И. Кутафьеву показала Варвара Мулина, дочь М.Н. Арьянгиной, передавшая бронзовых идолов из семейного амбарчика в музей [7. С. 233; 8. С. 93].

На площади могильника Бедеревский Бор II зафиксировано более 60 впадин, а исследована – 51. Боль-

шинство захоронений произведено в XVII–XVIII вв., что подтверждается найденными в них предметами массового «русского привоза» XVII в. (котлы, топоры, бусы-одекуй и др.). Верхняя дата (XVIII в.) определяется по найденной оловянной тарелке с клеймом. Специфическими признаками обряда погребения населения, оставившего этот могильник, являются грунтовый способ захоронений и обряд повторных похорон. В инвентаре двух мужских неординарных погребений и трех детских обнаружены редкие находки архаичного облика – бронзовые бубенчики-привески от шумящих арочных подвесок, глазчатые бусы, литые бронзовые лапчатые подвески, бронзовая (?) ложка. Основной территорией бытования таких бронзовых артефактов является Прикамье, Приуралье, Нижнее и Среднее Приобье, а время их появления и широкого распространения – IX – первая половина XIV в. Эти архаичные вещи оказались в Бедеревском Бору вместе с их владельцами, по-видимому, не случайно.

Цель статьи – объяснить присутствие редких для Нарымского Приобья бронзовых предметов в погребениях XVII–XVIII вв.; атрибутировать бронзовые артефакты из детского погребения 40 могильника Бедеревский Бор II; определить место и время их бытования; выявить способы адаптации вещей архаичного облика в обрядовой практике населения Притымья.

Задачи исследования: характеристика обряда детского погребения из могильника Бедеревский Бор II; описание архаичных предметов; поиск аналогий и определение времени их бытования; выявление этнографических параллелей и семантики.

Погребальный обряд. Могильник находится на левом берегу приустьевоего участка речки Могильной, (правого притока р. Тым), занимает внушительную, наиболее возвышенную его часть. На могильном поле объекты располагаются в несколько рядов. Могила 40 расположена в 10 м от края террасы на северном конце могильника, выделенном специально для погребения детей. На поверхности она выделялась подпрямоугольными очертаниями впадины (225×80 см) и была ориентирована в направлении север–северо-запад–юг-юго-восток. В ее северо-восточном углу располагался пень от спиленного дерева. В засыпи могилы зафиксирована перемешанная с подзолом супесь с включениями угля. Погребальные конструкции представляли собой фрагменты жердевого перекрытия, завалившегося в могилу в южном конце, и остатки целой жерди, расположенной вдоль всей продольной восточной стенки. На дереве отмечены остатки берестяного покрытия. В южном конце, возле жердевого перекрытия, на уровне древней дневной поверхности были воткнуты острием в землю четыре железных плоских черешковых наконечника стрел (два развилчатых срезня, два ромбических с вогнутыми сторонами по острию пера) и один костяной. На дне ямы, на глубине 50–60 см от уровня современной дневной поверхности, располагалось внутримогильное сооружение (178×40 см) в виде двух бортов

и носовой части лодки (?) без днища, и прямоугольной торцевой стороной – на противоположном конце. Стенки и дно могилы были выстланы березовой корой. Под корнями пня в северо-восточном конце могилы найден череп ребенка в возрасте 10 лет; нижняя челюсть от него обнаружена в противоположном конце могилы. Возможно, именно она и сохраняла первоначальное положение погребенного головой на юг, вниз по течению р. Тым, как это имело место во всех остальных случаях на этом могильнике. В 20 см от челюсти найдены 2 медные лунницы, 13 литых пуговиц-подвесок, нанизанных на толстую крученую нить медно-красного цвета, и бронзовая (?) ложка. Погребение было нарушено. Об этом свидетельствуют отсутствие жердевого и берестяного перекрытий над большей частью могилы, фрагмент суконной ткани вместе с бронзовыми лапчатыми подвесками около черепа в северной торцевой стороне внутримогильной конструкции и нижняя челюсть ребенка на дне носовой части лодки в южном конце могилы. Около продольной стенки внутренней камеры, в северо-восточном ее конце, в состоянии *in situ* обнаружены железное лезвие пальмы и четыре железных наконечника стрел, аналогичных тем, что были воткнуты в южном конце могилы между жердями перекрытия.

Таким образом, специфическими особенностями погребения являются: значительные размеры могилы и внутримогильных конструкций; присутствие жердевого перекрытия; наличие в засыпи наконечников стрел, воткнутых остриями в предполагаемой области головы погребенного; наличие типично «охотничьего» инвентаря; архаичные, вторично использованные, украшения – бронзовые лапчатые подвески; бронзовая (?) ложка. Отсутствие целостности погребальных конструкций и всех костных останков основного скелета, кроме черепа, позволяет рассматривать данное погребение как случай захоронения головы, отчлененной от туловища. Варианты такого типа погребений известны в могильниках Релка и Тискинском [9. С. 56]. Было ли это связано с несчастным случаем или с длительным хранением тела покойного до похорон и возможной утратой останков, в настоящее время определить не представляется возможным. Символическое повторное умерщвление покойного (выпущенные в момент захоронения участниками похорон наконечники стрел в область головы покойного), по мнению авторов, можно рассматривать в качестве охранительной меры для защиты оставшихся в живых членов коллектива от беды, конкретного несчастья, вероятно, связанного со смертью данного ребенка.

В соответствии с традицией западносибирских народов с переходом в возраст второго детства/подростковый, к которому относится индивид, он приобретал новый статус и приобщался к миру взрослых. Судя по инвентарю, с которым покойный был отправлен, он уже имел основные производственные и хозяйственные навыки, необходимые для самостоя-

тельной жизни. Обряд захоронения подтверждает прижизненные установки к лицам этого возраста у взрослого населения, принимавшего участие в похоронах [10. С. 93].

Рис. 1. Лапчатые подвески (2 экз.). Бронза (?), литье; Могильник Бедеревский Бор II. Раскопки А.И. Бобровой

Бронзовые (?) подвески, максимальные размеры 68×39 мм. Располагались в нижней части лицевого отдела по обе стороны от черепа (одна под черепом, другая над ним). Изделия представляют собой имитацию болгарской лапчатой подвески с пуансонным декором в виде стилизованной лапки водоплавающей птицы. Обратная сторона гладкая. Отлиты в плоскую одно-стороннюю форму вместе с массивным ушком, развернутым перпендикулярно плоскости подвески. Лицевая сторона щитков декорирована в виде литой имитации пирамидок зерна, расположенной по обеим боковым сторонам изделия, и образует в центре фигуру в виде елочки. По нижним углам пробиты три овальных отверстия; в них вставлены проволочные петли S-видной формы. Подвески, судя по месту их обнаружения, были симметрично закреплены на суконном головном уборе и располагались справа и слева от лица.

Генезис лапчатых подвесок восходит к древним общеуральским представлениям об очистительной силе водоплавающих птиц. Как самостоятельный тип оберега-украшения они происходят от лапок-привесок шумящих подвесок и плоских отливок Поволжья, где появляются в ломоватовское и бытуют в последующее, более позднее, время [11. Табл. XV, XVIII, XX]. По форме, декору и технологическим параметрам особенно близкая аналогия бедеревским подвескам найдена в Сайгатинском I святилище в Сургутском Приобье. Она датирована XI–XIII вв. [12. С. 150]. Как можно судить по этой находке, они появляются в Приобье не ранее XI в., а широкое их бытование относится к XIII–XIV вв. В Юганском Приобье ранние формы подвесок

датированы XII–XIII вв. В таежной полосе Западной Сибири они доживают до XVII в. [13. С. 61–63], а модифицированные их формы встречаются и в этнографических материалах XIX–XX вв., как, например, лапчатая подвеска, использованная хантами в качестве подношений семейному духу-покровителю [2. С. 33].

Водоплавающая птица входила в наиболее древнюю сферу мифологической системы большинства народов Северного полушария. Например, утка была древнейшим культовым образом финно-угров. Включение элемента «утиные лапки» в состав «шумящей» подвески придавало ей дополнительный смысл, поскольку утка – универсальная птица, выступающая в качестве посредника между людьми и богами в небесной и водной сферах. Миф о сотворении земли также связан с этим персонажем: со дна первичного океана земля была поднята водоплавающей птицей. Сокращение образа птицы до фрагмента лапок можно объяснить символическим значением изделия. Показ части вместо целого – один из способов превращения предметов в знаки [14. С. 79, 158–159]. «Шумящие» подвески обладали апотропейной функцией, привлекали удачу и были призваны служить для отпугивания злых духов, что зафиксировано повсеместно в ритуалах всех народов.

Рис. 2. Ложка (1 экз.). Бронза (?), литье,ковка; Могильник Бедеревский Бор II. Раскопки А.И. Бобровой

Бронзовая (?) ложка. Размеры 119×42 мм. Состоит из двух частей: черпака (63×42 мм) и ручки (68×15 мм), приклепанной к черпаку двумя тщательно прокованными заклепками. Черпак ложки овальный, мелкий (глубина 9 мм). На ручке отчеканены семь круглых мелких ямок: три пары друг против друга и одна на конце. Аналоги бедеревской ложке известны в Ликинском и Сайгатинском VI могильниках, инвентарные комплексы и сами предметы в которых датируются IX–XI вв. [15. С. 143, 158; 16. Погр. 119].

Костяные и роговые ложки-лопатки с плоским черпаком, подпрямоугольной и овальной формы, с корот-

кой ручкой известны на территории Западной Сибири с раннего железного века. В массовом количестве они найдены на городище Усть-Полуй II в. до н.э. – I в. н.э. Аналоги им присутствуют и в других памятниках таежной зоны этого времени, причем некоторые изделия имели зооморфное оформление ручки, например ложка с Большого Лога [17. С. 59–60. Рис. 28, 5–8]. Котловые и малые индивидуальные ложки из дерева, рога и бивня мамонта обнаружены в культурном слое Надымского городка XVI – первой половины XVIII в. Все они отнесены к бытовому инвентарю. Среди них есть изделия, конструктивно близкие экземпляру с Бедеревского Бора – с уплощенным черпаком и короткой ручкой [18. Рис. 3.45. С. 5–7, 13]. Есть сведения о том, что ложки-лопаточки в позднесредневековое и Новое время были исключительно ритуальными предметами и хранились на священных местах [19. С. 42]. Точной информации об использовании бронзовых ложек в современной культуре манси и хантов нет. Следов жира на них не отмечено, что косвенно свидетельствует о том, что для ритуальной трапезы в поздней обрядовой практике они не использовались. Ложки в основном хранятся в составе семейной культовой атрибутики, как, например, мельхиоровая ложка, преподнесенная в качестве жертвенного дара, вместе с другими редкими оловянными и бронзовыми предметами, семейному духопокровителю в пос. Хошлог [20. Рис. 9].

Известно, что ложка выполняла особую роль в шаманской практике многих народов. Так, например, железная ложка селькупского шамана Моньги Калина, со схематичным изображением антропоморфной личины – духа крылатой матери-земли, помогала ему, так как обладала свойствами пролетать сквозь землю, воду, любые металлы и камни. С помощью этого духа шаман пророчествовал, мог узнавать прошлое и предсказывал будущее [21. С. 28–29]. С ее помощью часто определялись судьба больного человека, удача на охоте и рыбном промысле, наконец, как известно, она являлась орудием первотворения.

Любая вещь несет информацию о мировоззрении ее создателей, особенно в традиционной культуре, не отличающейся большим набором вещей. Это относится и к

украшениям, и к предметам быта, особый статус которых сегодня с трудом может прочитываться. На Алтае, чтобы ребенок был метким охотником, ему дарили пулю для хорошего аппетита; а чтобы в доме всегда водилась еда, ему дарили ложку. Так бытовой предмет становился залогом достатка, вещь предвещала будущую ситуацию, программировала ее благополучное осуществление [22. С. 161]. Особый смысл этого предмета, предназначенного покойному, возможно, был связан с пожеланием быть сытым на долгом предстоящем ему пути и там, в поселке мертвых, среди своих сородичей, «живущих» в нижнем мире.

Поволжье, Прикамье, Нижнее Приобье являются той территорией, где лапчатые подвески и бронзовые ложки, которые зачастую использовались и в качестве подвесок, имели распространение. В памятниках Томско-Нарымского Приобья X–XVII вв. они не зафиксированы. Обнаружение столь редких и ценных предметов в селькупском захоронении на р. Тым выглядит необычным. Когда они могли поступить в этот регион и почему сопровождают ребенка, а не взрослого в трудном его путешествии в нижний мир? Почему с ним выполнялся ряд специфических действий с целью защиты от возможного негативного воздействия?

Фрагментарность археологических свидетельств не позволяет однозначно ответить на эти вопросы. Самый простой ответ напрашивается сам собой: вещи могли быть приобретены в результате торговых связей в XII–XIV вв., хранились в семье и передавались по наследству на протяжении нескольких поколений как необычные и ценные. Возможно, архаичные изделия были найдены на разрушенном археологическом памятнике. Они могли появиться на р. Тым и в XVI–XVII вв. вместе с носителями какой-то конкретной этногруппы, мигрировавшей в связи с продвижением русских из Зауралья или Сургутского Приобья. Особо знаковые, инокультурные для населения Притымья предметы, о которых идет речь, могли сопровождать душу ребенка (представителя этой группы) при возвращении его в страну предков. В данном случае вещи призваны были выполнять роль маркеров, символов, по которым покойного могли узнать и принять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким А.А. Духи и души тымских селькупов (по заметкам этнографа Р.А. Ураева) // Земля Каргасокская : сб. науч.-популяр. очерков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 140–147.
2. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 260 с.
3. Шульц Л. Сальмские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень : Гостипография, 1924. Вып. 1. С. 166–200.
4. Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. 176 с.
5. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.: ил.
6. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 88–107.
7. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Типография № 1 Полиграфиздата, 1956. Т. 5. С. 89–316.
8. Торощина Н.В., Чернова И.В. К истории семьи Тымских селькупов Арнянгиных // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. Т. 16. С. 90–96.
9. Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. 278 с.

10. Боброва А.И., Торощина Н.В. Половозрастные особенности обряда погребения населения Притымья в XV–XVII веках (по материалам могильников урочища Бедеревский бор) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. Новосибирск, 2014. Т. 13, № 7. С. 89–98.
11. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
12. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета Внешторгиздат : ДИАКОМ-Франция, 1994. 159 с.
13. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
14. Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений Прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
15. Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Тип. изд-ва «Уральский рабочий», 1973. С. 137–173.
16. Зыков. А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры : пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г. г. Ханты-Мансийск, Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. С. 109–124.
17. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
18. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII веков. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2009. 360 с.
19. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды этнографического отдела Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1888. Кн. 8. 91 с.
20. Бауло А.В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 176 с.
21. Селькупская мифология. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 28–29.
22. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука СО РАН, 1988. 225 с.

Toroshchina Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: natator@mail.ru; *Bobrova Anna I.* M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore (Tomsk, Russia). E-mail: a_bobrova@bk.ru

ARCHAIC ITEMS FOUND IN A CHILDREN'S GRAVE IN THE SELKUP BURIAL GROUND ON THE RIVER TYM.

Keywords: Narym Ob regions; Tym river; Bederevsky Bor; Selkup; chumylkup; archaic items.

The article presents the analysis of bronze palmate pendants and of a bronze spoon retrieved from a children's grave in the Selkup burial ground of the XVI – first half of the XVIII centuries period on the Tym River in the area of Bederevskiy Bor. Such artifacts were most widely spread in the Kama region and the Lower and Middle Ob regions in the X–XIV centuries and were not found at the sites of the Tomsk-Narym Ob region of the X–XVII centuries. Taking into account the time when the Beredevskiy Bor II burial ground was in use, these artifacts can be considered archaic and rare, and this is what makes them especially interesting. The article aims to interpret the presence of rare bronze items in the Narym Ob region – in burial grounds of the XVII–XVIII centuries, to attribute the bronze artifacts found in the children's grave of the 40 burial ground of the Beredevskiy Bor II, to determine the time and place of their use, and to identify ways of adaptation of the archaic-looking items in ritual practices of the Tym area population. Some specific features of the grave are the significant size of it and of its internal constructions; the poles structure; arrowheads stuck into the ground, presumably, around buried heads; the presence of typically 'hunting' equipment here; and of archaic, reused jewelry – the bronze palmate pendants and the bronze (?) spoon. The lack of integrity within the burial constructions and in all of the skeleton bone remains, except for skulls, allows considering this as an indication of the head buried being separated from the body. The symbolic re-killing of the deceased (with arrowheads being shot at the deceased's head during the burial ceremony), as the authors believe, can be regarded as a protective act to protect those alive from misfortune, more specifically, as it is believed, from the one linked to this child's death. The archaic items could be acquired as a result of trading relationships in the XII–XIV centuries; they were kept in the family and inherited over several generations as unusual and valuable. Perhaps, these were found at a destroyed archaeological site. They could appear on the Tym River in the XVI–XVII centuries along with representatives of a certain ethnic group that had migrated from the Urals or Surgut Ob region under pressure from the Russians. The particularly symbolic and culturally foreign – to the Tym population – items in question could accompany the child's soul as representing this group upon return to the land of its ancestors. In that case, these acted as markers and symbols for the dead to be recognized and accepted there.

REFERENCES

1. Kim, A.A. (1996) Dukhi i dushi tymskikh sel'kupov (po zametkam etnografa R.A. Uraeva) [Spirits and souls of the Taima Selkups (according to the notes of the ethnographer R.A. Uraev)]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya kargasokskaya* [The Kargasok land]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 140–147.
2. Baulo, A.V. (2011) *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov* [Ancient bronze from ethnographic complexes and random collections]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
3. Shultz, L. (1924) Salymskie ostyaki (iz materialov k etnografii yuzhnykh ostyakov) [Salym Ostyaks (from materials on the ethnography of the southern Ostyaks)]. *Zapiski Tyumenskogo obshchestva nauchnogo izucheniya mestnogo kraya*. 1. pp. 166–200.
4. Taligina, N.M. (2004) *Obryady zhiznennogo tsikla u synskikh khantov* [Rituals of the life cycle of the Syn Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Murashko, O.A. & Krenke, N.A. (2001) *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke (po arkheologicheskim kollektiyam Muzeya antropologii MGU)* [The culture of the aborigines of the Obdorsk North in the 19th century (archaeological collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
6. Prokofieva, E.D. (1952) K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [On the social organization of the Selkup (genus and phratry)]. In: Folgyllh, B.O. et al. *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. pp. 88–107.
7. Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti [Archaeological monuments of Tomsk region]. In: Flerov, V.S. et al. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 5. Tomsk: Tipografiya № 1 Poligrafizdata. pp. 89–316.
8. Toroshchina, N.V. & Chernova, I.V. (2010) K istorii sem'i Tymskikh sel'kupov Arnyanginykh [To the history of the the Tymsk Selkup family of Arnyangins]. In: Taylasheva, N.M. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 16. Tomsk: TML-Press. pp. 90–96.
9. Bobrova, A.I., Rykun, M.P., Tuchkov, A.G. & Chernov, I.V. (2016) *Narymskoe Priob'e vo II tysyacheletii n.e. (X–XX vv.)* [Narym Ob region in the 2nd millennium AD (the 10th – 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

10. Bobrova, A.I. & Toroshchina, N.V. (2014) Polovozrastnyye osobennosti obryada pogrebeniya naseleniya Pritym'ya v XV–XVII vekakh (po materialam mogil'nikov urochishcha Bederevskiy bor) [Sex and age features of the burial rite among the population of Pritymye in the 15th – 17th centuries (based on the burial records of the Bederevsky Bor tract)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 13(7). pp. 89–98.
11. Goldina, R.D. (1985) *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [The Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk: Irkutsk state University.
12. Zykov, A.P., Koksharov, S.F., Terekhova, L.M. & Fedorova, N.V. (1994) *Ugorskoe nasledie. Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Ural'skogo universiteta* [The Ugric heritage. Antiquities of Western Siberia from the collections of the Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat: DIAKOM-Frantsiya.
13. Semenova, V.I. (2001) *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya* [Medieval burial grounds of the Yugan Ob area]. Novosibirsk: Nauka.
14. Lipina, L.I. (2006) *Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrasheniy Prikamskogo kostyuma (ser. I tys. do n.e. – nach. II tys. n.e.)* [Semantics of bronze zoomorphic ornaments of Prikamsky costume (in the middle of the 1st millennium BC – 1 early 2nd millennium AD)]. History Cand. Diss. Izhevsk.
15. Viktorova, V.D. (1973) Likinskiy mogil'nik X–XIII vv. [The Likino burial of the 10th – 13th centuries]. In: Gering, V.F. (ed.) *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Urals Archeology]. Sverdlovsk: Ural'skiy rabochiy. pp. 137–173.
16. Zykov, A.P. (2006) [Middle Ages of the taiga zone of North-West Siberia]. *Arkheologicheskoe nasledie Yugry* [Archaeological heritage of Ugra]. The Northern Archaeological Congress. September 24–30, 2006. Khanty-Mansiysk, Yekaterinburg. Khanty-Mansiysk: Charoid. pp. 109-124. (In Russian).
17. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Kardash, O.V. (2009) *Nadymskiy gorodok v kontse XVI – pervoy trety XVIII vekov* [Nadym town in the late 16th – early 18th centuries]. Ekaterinburg: Nefteyugansk: Magellan.
19. Gondatti, N.L. (1888) Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri [Traces of paganism in the natives of North-Western Siberia]. In: *Trudy etnograficheskogo otdela Ob-va lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete* [Proceedings of the ethnographic department of the Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University]. Moscow: [s.n.].
20. Baulo, A.V. (2009) "Tobol'skoe srebro" v obryadakh vogulov i ostyakov [The "Tobolsk silver" in the rituals of Voguls and Ostyaks]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS.
21. Pelykh, G.I. (1998) *Sel'kupskaya mifologiya* [The Selkup mythology]. Tomsk: NTL. pp. 28–29.
22. Gemuev, I.N. (ed.) (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Real world]. Novosibirsk: Nauka.